

Татьяна Усманова и Андрей Пивоваров в Бонне, Германия, 5 августа 2024 года / Фото: Даша Трофимова для ОВД-Инфо

08.08.2024, 14:23

ИНТЕРВЬЮ

«Высушивает и делает каменной». Татьяна Усманова, жена политика Андрея Пивоварова — о свадьбе в колонии и поддержке мужа

Интервью с Татьяной Усмановой о том, каково это — добиться свадьбы в колонии, не оправдывать стереотипы и ожидания от жены политзаключенного и не знать наверняка, выйдет ли в срок из тюрьмы любимый человек. Ранее мы **публиковали разговор с мужем Татьяны, политиком и бывшим политзаключенным Андреем Пивоваровым, которого освободили в рамках **обмена** заключенными между Россией и Западом.**

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

English version

— Почему вы решили пожениться, не дожидаясь выхода Андрея на свободу?

— Все время его заключения мне постоянно говорили судьи, приставы, следователи, прокуроры, что я ему никто. Слов «партнер» или «подруга» они не знают. Меня судья выгоняла из зала за то, что, по ее мнению, я улыбалась Андрею, а он улыбался мне в ответ.

Его задержали в мае 2021 года, летом 2022 года был приговор и еще через год, летом 2023 года, у нас была свадьба. И все это время, все эти два года, мы ни разу не виделись, кроме как на судах, и то издалека — Андрей был в клетке, а я, если меня пускали, сидела в зале. У нас не было ни одной встречи и ни одного звонка. В тот момент он еще не был официально осужден, и добиваться длительных свиданий по закону было невозможно, возможны короткие, но их не давали.

Когда Андрей попал в колонию в Сегеже (Карелия — *ОВД-Инфо*), мы перешли на новый этап борьбы с этой системой и поняли, что теперь можем требовать длительные свидания. Проблем с этим было две. Первая заключалась в том, что Андрей сидел в ПКТ, а тем, кто там содержится, никаких свиданий не дают, вторая — мы не были расписаны. Да, по закону, даже если люди не расписаны, они имеют право на свидание, но было очевидно, что в наших случаях никаких поблажек не будет.

*Татьяна Усманова и Андрей Пивоваров в Бонне, Германия,
5 августа 2024 года / Фото: Даша Трофимова для ОВД-Инфо*

— Как вы решили расписаться?

— Никто никому не делал романтического предложения. Это просто невозможно, потому что наше общение минимизировано: письмо полтора месяца шло в одну сторону и полтора месяца — в обратную. Хорошо еще, если оно дойдет, а с огромной вероятностью еще и где-то потеряется. Это было абсолютно прагматичное решение. Когда я узнала, что Андрей в Сегеже, одним из первых писем я ему отправила распечатку о том, что такое свадьба в колонии. По этому письму мы и стали работать: он стал добиваться этого изнутри колонии, а я с адвокатами — снаружи, потому что колония не была заинтересована в том, чтобы мы расписались, хотя я не понимаю, какая им разница. Пришлось преодолеть довольно много препятствий, потому что они не хотели отдавать документы.

— Как и сколько вы боролись за эту возможность?

— Это продолжалось несколько месяцев, в большей степени борьба шла со стороны Андрея. Ты должен собрать базовый пакет документов, начальник колонии должен что-то подписать, потом я должна эти документы забрать, отнести в ЗАГС, назначить дату свадьбы, а в ЗАГСе заключенных расписывают в один день. То есть в ИК-7 всех расписывают в одну дату, которую ты не выбираешь. Например, 26 июля возможна свадьба, а потом — 29 августа. И ты должен за месяц до этой даты отдать им пул документов.

И Андрея стали мурыжить в колонии. Это же не как в обычной жизни, когда тебе нужна бумажка и ты ее можешь быстро достать — это не так. Тебе что-то не подписывают, а следующая встреча с начальником колонии возможна через полтора месяца, и только тогда можно обсудить все проблемы с документами. Ты не можешь подойти куда-то, постучать в окно и что-то получить. Он сидит в закрытой камере и ни с кем не может поговорить о том, что ему нужно скорее сделать.

Все бесконечно переносилось, в итоге у меня появился на руках некий пакет документов, я его привезла в сегожский ЗАГС, а мне там тетушки сказали: «То, что вы нам принесли, — это вообще не то. У вас тут этого не хватает, тут лишняя подпись, а здесь нужно две». И я поняла, что это уже все, я больше не могу. Я супер искренне с ними поговорила, сказала, что этих документов добиваюсь несколько месяцев: я вас очень прошу, мы абсолютно адекватные социальные люди, мы любим друг друга и хотим пожениться. Сложный разговор у нас состоялся.

— Это был срыв или ты пыталась рационально с ними разговаривать?

— Нет, конечно, никаких срывов я не могу себе позволить, потому что решаются судьбоносные вопросы, и не время расслабляться и предаваться истерике. В итоге мы пришли к консенсусу, они сказали, мол, окей, не хватает подписи — ничего страшного, мы приедем туда в день свадьбы, и он поставит недостающие подписи. Так и вышло.

Татьяна Усманова выходит из колонии в Сегеже после свадьбы, 26 июля 2023 года / Фото из личного архива

— Перед тобой стоял выбор, поддерживать или не поддерживать Андрея, когда его арестовали?

— Нет, конечно! Ну, а как, один из самых твоих родных людей оказался в заключении. Нет, у меня не было этого выбора

и не было даже минутки, когда бы я об этом задумывалась.

— Как эта поддержка выглядела?

— Это работа 24/7. Я всю свою жизнь работала пиарщиком, и для меня произошедшее с Андреем стало очень важной медиа-кампанией: я все это время общалась с журналистами, правозащитными организациями и делала все возможное, чтобы как можно больше людей узнали о той несправедливости, которая происходит.

13 на свободе, 1289 в тюрьме. Вы можете им помочь.

13 заключенных по политическим мотивам вышли на свободу, но более 1 200 по-прежнему находится в СИЗО или колонии. ОВД-Инфо защищает 100 человек по уголовным делам. Такие дела длятся годами и подзащитным нужна помощь на протяжении всего судебного процесса. Подпишитесь на пожертвования ОВД-Инфо, чтобы никто не остался один на один с системой.

ПОДПИСАТЬСЯ

— Есть ли некий образ жены политзаключенного, ожидания, которым нужно соответствовать? Существует, например, миф, что все политзаключенные — святые люди уже только потому, что они выступили против власти. Как это сказывается на их близких?

— Думаю, это работает, когда речь идет о партнерах и партнерках. Мне кажется, есть ожидания, связанные с тем, что если твой любимый человек находится в заключении, ты должна грустно сидеть дома. Да, ты можешь бороться за его свободу, но веселиться не время и не место.

— Что думаешь про это?

— Может, я сама себе это придумала, у меня не было никаких разговоров с людьми, которые бы мне сказали «а вот мы думали, что ты не будешь ходить в красном, у тебя муж сидит, надо бы в черном!», как говорили Юле Навальной, которая вышла

получать Оскар, и на нее накинудись с тем, что у нее было платье не того цвета, и вообще Юля слишком красивая женщина, а ее муж сидит в тюрьме. Это безумие, стереотип, который меня ошарашил. Люди в паре сами должны решать, как строятся их отношения. Все-таки мы должны жить для себя и для своих семей, а не для того, чтобы оправдать чьи-то ожидания.

— Ты позволяла себе радоваться?

— Конечно. Это было сложновато, потому что общий фон у меня был довольно депрессивным, но я позволяла себе ходить в красном платье, встречаться с друзьями, куда-то ездить. Ты же должен быть сильным и по возможности спокойным, если хочешь кого-то поддерживать. Если ты будешь в раздразе, истерике и во внутреннем конфликте, ты ровно то же передашь человеку, который сидит в тюрьме. Как бы помогли Андрею мои письма о том, что вместо похода с подружкой в театр я решила остаться дома и порыдать?

Татьяна Усманова после пресс-конференции в Бонне, Германия, 1 августа 2024 года / Фото: Даша Трофимова для ОВД-Инфо

— Как думаешь, как ты изменилась за эти почти четыре года?

— Думаю, я очень сильно повзрослела и стала еще более прагматичным и рациональным человеком, чем была раньше. Немного высушивает изнутри и делает тебя в чем-то каменной необходимостью собирать передачи (это до сих пор вызывает оторопь, как вспоминаю — ком к горлу подкатывает), ездить с огромными сумками в СИЗО и колонии, бесконечно общаться с людьми из этой системы.

— Андрей говорил, что было совершенно неизвестно, освободят ли его на самом деле, ходили слухи про новые дела. Как ты со всем этим себя ощущала?

— С даты его ареста тревожность была постоянная — то по одному поводу, то по другому. Считанные недели до его освобождения тоже были очень тревожным временем. Я ждала Андрея, готовила квартиру к его освобождению, все там переставляла и мыла, в то же время понимала, что в России, чтобы завести уголовное дело, много не надо. Думала ли я о том, что на него могут завести новую уголовку, и он не выйдет 2 сентября? Я думала об этом день и ночь.

— Чем можно порадовать человека в изоляции, передавала ли ты что-то особенное, зная, что его это поддержит?

— Я против романтизации всей этой истории. По-хорошему, ты не можешь ничем человека порадовать. У тебя есть список разрешенных продуктов, которые ты можешь передавать, — радостного в них мало. У Андрея было, пока он находился в Сереже, три передачи в год по 20 килограмм. Мы обсуждали, чем будут заполнены каждые 100 грамм этой передачи, потому что лишней еды там нет, и я не могу положить туда вместо того, что ему нужно, что-то, что, как мне кажется, сделает его более счастливым. Это не сделает его более счастливым — это сделает его более раздраженным, потому что ему виднее, что ему надо. А время, чтобы радовать друг друга, наступает сейчас.

— Были ли за эти годы какие-то поворотные точки за все время этого ожидания?

— Приговор. Я очень переживала все время до приговора, когда этот день приближался. Было тяжело сначала узнать, сколько запросят, потом — тяжело узнать, сколько лет дали. Это было в Краснодаре, было очень жарко. Было очень тяжело еще и потому, что когда ты слышишь эти цифры, вы не проживаете эту боль дальше вместе — его уводят. И вы остаетесь с этими чувствами вдали друг от друга. И плюс нужно было собраться и дать еще 20 интервью до конца дня. Это очень тяжело. Мне даже не хочется об этом вспоминать.

*Татьяна Усманова в Бонне, Германия, 5 августа 2024 года /
Фото: Даша Трофимова для ОВД-Инфо*

— Ты совсем не даешь себе времени прожить эти чувства?

— Для меня было очень важно сделать так, чтобы о деле Андрея узнало как можно больше людей. Для меня это было в приоритете. Потом оно приходило. Это же все растягивается очень надолго. Заточение учит тебя по-другому относиться

ко времени, оно растянуто, его очень много. У тебя есть очень длинные вечера и ночи, когда ты можешь все это проживать.

— Уже осознала, что освобождение Андрея, обмен — реальны?

— Все еще нет. Я хотела сказать «прошло сколько-то времени», но я не знаю, сколько времени прошло. Если ты меня спросишь, какой сейчас день, какого числа освободили Андрея, я тебе искренне скажу, клянусь, я не знаю. Я не представляю, когда это было. Я узнала о том, что он пропал из колонии в субботу 26 июля. Это последний день, который я четко помню, что было дальше — один длинный хороший и сложный день, который до сих пор не закончился.

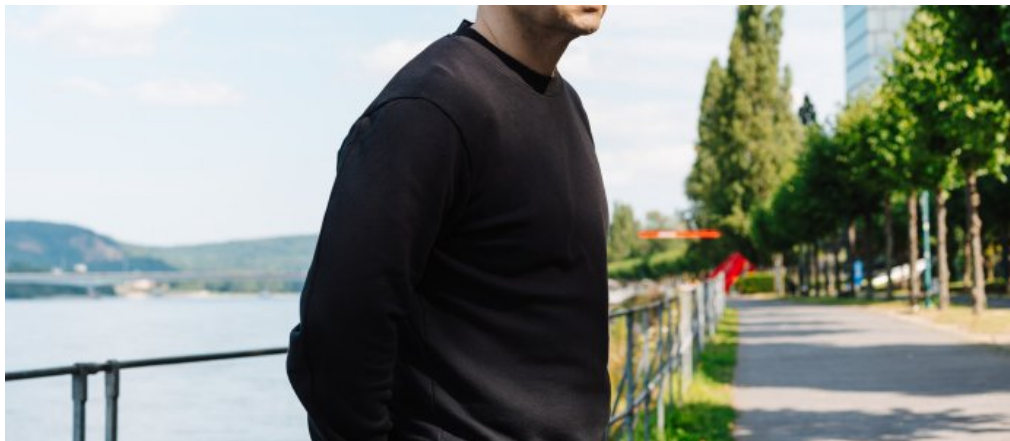
Марина-Майя Говзман

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

«Ощущение прыгнувшего на тебя мира». Интервью с политиком и бывшим политзаключенным Андреем Пивоваровым
Из карельской колонии — в Германию.

Контакт с реальностью. Как занимался политикой, боролся с мошенниками и попал в тюрьму Андрей Пивоваров
Оппозиционер Андрей Пивоваров получил четыре года колонии за посты, связанные с «Открытой Россией» Михаила Ходорковского.